

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 9
Выпуск 3

2016
Сентябрь

ФИЛОЛОГИЯ
ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
ЖУРНАЛИСТИКА

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Адоньева С. Б.</i> Обращение в устной речи и конвенции социальных отношений	5
<i>Веселова И. С.</i> Управление реальностью: личные имена в ритуальной речи (севернорусское «Виноградь»)	15
<i>Куприянова С. О.</i> Номинации адресата в колыбельных песнях	24
<i>Мариничева Ю. Ю.</i> К вопросу об именах собственных в русской сказочной речи	34
<i>Семенова А. С.</i> «А я, мальчик, на чужбине позабыт от людей»: автореферентные номинации в необрядовых песнях	41
<i>Гуськов Н. А.</i> Лирический субъект в поэзии А. П. Сумарокова	46
<i>Калинин И. А.</i> Виктор Шкловский versus Роман Якобсон: война языков	55
<i>Сергеева Н. А.</i> К вопросу о признаках неклассической прозы: Ф. В. Булгарин и В. Ф. Одоевский	64
<i>Большев А. О.</i> Ситуация коммуникативного кризиса в колымской прозе В. Шаламова (к проблеме рассказывания о трансцендентном)	74
<i>Ляпушкина Е. И.</i> «...о том следует молчать» («Ultima Thule» Набокова и философия молчания)	83
<i>Мовнина Н. С.</i> Концепция долга в романе И. С. Тургенева «Дворянское гнездо» в контексте этических поисков середины XIX в.	92
<i>Аствацатуров А. А.</i> Андрей Иванов и Генри Миллер: опыт сопоставительного анализа	101
<i>Григорьева Е. Н.</i> Мотивный анализ рассказа В. Набокова «Посещение музея»	109
<i>Мейер-Фраатц А.</i> Военное тело в романе «Асан» Владимира Маканина	120

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2016

<i>Овчарская О. В.</i> «Малая пресса» 1880-х годов как массовая литература: шаблон, повтор, автоповтор	129
<i>Степанова А. С.</i> Псевдоантитеза в рассказе А. П. Чехова «Ионыч»	138

ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Бережная М. А.</i> Доминанты аудиовизуального текста в аспекте исследования ТВ-дискурсов.....	147
<i>Пронин А. А.</i> Авторские стратегии Р. Либерова в фильмах «Иосиф Бродский. Разговор с небожителем» и «Написано Сергеем Довлатовым»	157

ХРОНИКА, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ

<i>Белобратов А. В.</i> Русская литература в немецкоязычном пространстве: 250 лет вместе (Jürgen Lehmann: Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 2015. 417 S.).....	167
<i>Бухаркин П. Е., Стречень Л. Л.</i> 400 лет латиноязычной литературы Украины (Трофимук М. С. Латиномовна література України XV–XIX ст.: жанри, мотиви, ідеї. Львів: Львівський національний університет ім. І. Франка, 2014. 380 с.)	170
<i>Гуськов Н. А.</i> I международная научная конференция «Русская литература в переводах на иностранные языки. Русский литературный канон: центры и периферия», Краков, 22–23 октября 2015 г.	176
<i>Казанскене В. П.</i> О Двенадцатом Международном конгрессе балтистов, состоявшемся 28–31 октября 2015 г. в г. Вильнюсе (Литва)	180
<i>Степанов А. Д.</i> Новые англоязычные работы о Чехове	187

IN MEMORIAM

Памяти Александра Сергеевича Герда (1936–2016).....	194
---	-----

На наш журнал можно подписаться по каталогу «Пресса России».

Подписной индекс 36319

Свидетельство о регистрации СМИ №ФС77-36048

от 22 апреля 2009 г. (Роскомнадзор)

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

Редактор

Компьютерная верстка Ю. Ю. Таурина

Подписано в печать ответственным редактором серии 00.00.2016.
Формат 70×100¹/₁₆. Усл. печ. л. 00,0. Уч.-изд. л. 00,0. Тираж 150 экз. (1-й завод). Заказ № 162. Цена свободная.

Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11.

Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

CONTENTS

LITERARY STUDIES

<i>Adonyeva S. B.</i> Addressing in Oral Speech and Frames of Social Network.....	5
<i>Veselova I. S.</i> Transforming Reality: Personal Names in Ritual Speech (<i>Vinogradyo</i> — Carols from the North of Russia).....	15
<i>Kupriyanova S. O.</i> The Addressee Nominations in Lullabies.....	24
<i>Marinicheva Ju. Ju.</i> On Proper Names in Russian Fairy Tales.....	34
<i>Semenova A. S.</i> “A ja, mal’chik, na chuzhbine pozabyt ot l’udej’”: Self-nominations in Non-Ritual Songs.....	41
<i>Guskov N. A.</i> Lyrical Subject in the Poetry of A. P. Sumarokov.....	46
<i>Kalinin I. A.</i> Shklovsky vs. Jakobson: A War of Languages.....	55
<i>Sergeeva N. A.</i> Revising the Characteristics of the Non-Classical Prose: F. V. Bulgarin and V. A. Odoevsky.....	64
<i>Bolshev A. O.</i> Communication Crisis in the Kolyma Tales by V. Shalamov: On Narrating the Transcendent.....	74
<i>Liapushkina E. I.</i> “...thereof one must be silent” (Nabokov’s “Ultima Thule” and the Philosophy of Silence).....	83
<i>Movnina N. S.</i> The Conception of “Dolg” in I. S. Turgenev’s Novel “Home of the Gentry” and the Ethical Ideas in the Mid-19 th Century.....	92
<i>Astvatsaturov A. A.</i> Andrei Ivanov and Henry Miller: Comparative Analysis.....	101
<i>Grigorieva E. N.</i> Analysis of the Motives in “The Visit to the Museum” by V. Nabokov.....	109
<i>Meyer-Fraatz A.</i> The body of war in Vladimir Makanin’s novel <i>Asan</i>	120
<i>Ovcharskaia O. V.</i> “Petty press” of 1880s as Paraliterature: Commonplace, Repetition, Self-Repetition.....	129
<i>Stepanova A. S.</i> Pseudoantithesis in Short Story <i>Ionych</i> by A. Chekhov.....	138

JOURNALISM

<i>Berezhnaia M. A.</i> Dominants of Audiovisual Text in the Aspect of TV Discourses Research	147
<i>Pronin A. A.</i> The Diegetic Narrator in the Documentary-Portrait.....	157

REVIEWS AND CHRONICLES

<i>Belobratov A. V.</i> Russian Literature in the Regions of the German Language: 250 Years Together (A review on the book: Jürgen Lehmann: Russische Literatur in Deutschland. Ihre Rezeption durch deutschsprachige Schriftsteller und Kritiker vom 18. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Stuttgart: Verlag J. B. Metzler, 2015. 417 S.).....	167
<i>Bukharkin P. E., Stetchen L. L.</i> 400 years of Latin literature in Ukraine (A review on the book: Trofymuk M. S. Latin Literature of Ukraine in the 15-19 th centuries: Genres, motifs and ideas. — Lviv: Lviv National University named after I. Franko, 2014. 380 p.).....	170

<i>Guskov N. A.</i> The 1 st International Scientific Conference “Russian Literature in Translations INTO Foreign Languages. The Russian Literary Canon: The Center and the Periphery”, Kraków, Poland, October 22–23 2015	176
<i>Kazanskene V.P.</i> The 12 th International Congress of Balticists, October 28–31 2015, Vilnius, Lithuania	180
<i>Stepanov A. D.</i> New Works on Chekhov in English	187

IN MEMORIAM

In memoriam of Alexandr Sergeevich Gerd (1936–2016).....	194
--	-----

А. Д. Степанов

НОВЫЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ РАБОТЫ О ЧЕХОВЕ

Современное чеховедение — одна из самых развитых «персональных» областей истории русской литературы. Каждый год выходят десятки новых книг и сотни статей о чеховской прозе и драматургии, множество рецензий на новые чеховские спектакли, эссе о Чехове журналов и писателей, пародийные и серьезные перепевы мотивов его пьес и рассказов в художественной литературе¹. Ведущее место в этом потоке, наряду с русскоязычными, составляют англоязычные работы. Специально посвященные Чехову издания последних лет чрезвычайно многообразны: они включают и материалы конференций [Chekhov for the 21st Century], и тематические сборники [Anton Chekhov Through the Eyes of Russian Thinkers; Chekhov The Immigrant], и учебные введения в чеховское творчество [The Cambridge Companion to Chekhov], и ставшие бестселлерами биографии [Rayfield], и многое другое. Для данного обзора мы выбрали три монографии, авторы которых предлагают новые, совершенно самостоятельные концепции чеховского творчества; при всей разнице теоретических подходов ученых разных стран объединяет общее стремление решить «чеховскую загадку».

1. Имя Радислава Ефимовича Лапушина хорошо известно всем, кто занимается Чеховым. Доцент Белорусского государственного университета в 1990-е годы много публиковался, постоянно выступал на чеховских конференциях, и его яркие «поэтические» доклады всегда были гвоздем любой программы. В 1999 г. Радислав Лапушин эмигрировал в США, закончил аспирантуру Чикагского университета и сейчас преподает в университете Северной Каролины в Чэпл-Хилл. Рецензируемая книга [Lapushin] — вторая монография автора и первая из написанных им по-английски.

Впрочем, англоязычность в данном случае скорее мешает: исследователь анализирует не сохраняющие общий смысл переводы, а саму ткань русского текста, и анализирует очень пристально. Пытаясь решить загадку долговечности и универсальности чеховской прозы, Р.Е. Лапушин подходит к ней как к поэзии. Анализ ведется в лучших структуралистских традициях Якобсона — Лотмана, т. е. исходит из двух аксиом: во-первых, о структурности, взаимосвязанности и взаимозависимости элементов целого, а во-вторых — о семантизации формальных элементов и соответственно повышенной семиотичности, смысловой насыщенности поэтического текста. Оттолкнувшись от ряда конкретных наблюдений, Р.Е. Лапушин уже в самом начале книги выдвигает главный тезис: все, что писал Чехов, обладает одним качеством, которое называется по-английски “inbetweenness” — ‘находящееся между (двух полюсов)’. Адекватного русского слова нет («промежуточность» привносит нежелательные коннотации), поэтому будем в дальнейшем пользоваться английским термином, помня авторское определение: «постоянное динамическое колебание между противоположными текстуальными полюсами (семантическими, тематическими и метафизическими)» [Lapushin, p. 3]. В понятии *inbetweenness* есть нечто и от бахтинской «амбивалентности», и от «двусмысленности» — термина англо-американской Новой критики [Empson], но больше всего *inbetweenness* напоминает идею А. П. Чудакова о Чехове как «человеке поля» [Чудаков, 1996, с. 186–192]². Однако Р.Е. Лапушин идет дальше своего учителя: отталкивание от полюсов оказывается характерно не только для «макроуровня» — мировоззрения Чехова («Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не

¹ Обзору текущей чеховедческой литературы, новым спектаклям и фильмам посвящен специальный журнал «Чеховский вестник», издаваемый с 1997 г. под редакцией В. Б. Катаева в МГУ. В настоящее время вышел уже 31 номер журнала; в каждом новом номере печатается продолжающаяся «Библиография работ о Чехове», составляемая П. Н. Долженковым.

² Заметим, что эта статья цитируется в самом начале рецензируемой работы [Lapushin, p. 27–28], и вся книга посвящена памяти учителей автора — А. П. Чудакова и Анны Лизы Кроун.

монах, не индифферентист» [Чехов, т. 3 (II), с. 11]), но и для «микроуровня» — мельчайших деталей чеховской поэтики. Р. Е. Лапушин показывает, что выразительные предметные детали у Чехова не следует понимать только в буквальном или только в переносном смысле. Так, «неприятный стук старых рельсов» [Чехов, т. 6, с. 136], который слышит выздоровевший поручик Климов в финале рассказа «Тиф», говорит и о реальности (мимо дома провозят старые рельсы), и о том, что все возвращается на круги своя. Сходным приращением смысла (“extension of meaning” [Lapushin, p. 35]) отличается множество чеховских образов, в том числе и давшая название книге «роса на траве» из «Дамы с собачкой» [Чехов, т. 10, с. 134].

Эти образы (подобно поэтическим со- и противопоставлениям в трактовке Лотмана) сближают несходное и выявляют различия в сходном, аukaются и перекликаются с другими образами³, становятся амбивалентными, и каждый из них обладает неявным семантическим потенциалом, который может быть развернут в лирическое стихотворение, что часто и демонстрирует Р. Е. Лапушин. При этом исследователь показывает, что дополнительными смыслами обрастают не только лирические фрагменты поздней чеховской прозы, но и отдельные образы ранних текстов: общий принцип чеховской поэтики «синхроничен» и универсален. Работа этого принципа — *inbetweenness* — демонстрируется на всех уровнях: анализируется слово в контексте предложения, абзаца и целого произведения; рассматриваются все виды фонетических, лексических и синтаксических повторов. Принцип поэзии, по Якобсону и Лотману, как мы помним, и есть принцип неполного повтора-эквивалентности, наращивающего смысл. Но в прозе, чтобы увидеть подобные переклички отдельных слов, нужно особое «остраивающее» восприятие: далеко не всякий читатель заметит, что в «Степи» перекликаются «крылья» коршуна и мельницы, или услышит неточные рифмы вроде «молчание — начале», «сжатой — жарко», или заметит, как «тусклое» переходит в «тоскливое» и т. д. Интерпретация в книге Р. Е. Лапушина становится искусством, со-творчеством с Чеховым, литературоведение сближается с поэзией, не теряя при этом точности и доказательности.

В этой интерпретации каждое чеховское предложение, каждый абзац и каждый текст становятся единым целым, сшитым фонетическими и семантическими «нитьями» («Тяжелые неуклюжие облака пластами облекли небо» [Чехов, т. 5, с. 277]) и образующим «тесный» поэтический ряд, в котором ничего нельзя ни убавить, ни прибавить, не сделав хуже. Таким образом, *inbetweenness* выполняет прежде всего консолидирующую и структурирующую функцию. Однако есть и обратная функция — «распыляющая», диссиминационная. Автор показывает, как звуковые повторы и сопутствующая им дополнительная семантизация слов стирают оппозиции низкое/высокое, конкретное/абстрактное, неодушевленное/одушевленное, внешнее/внутреннее и многие другие, в том числе и саму оппозицию прозаическое/поэтическое. Тот же закон нарушения границ отмечается и на уровне повествования (межперсональные отношения протагонистов, смешение голосов, невозможность ответить на вопрос «кто говорит?», единство интонации и т. д.), на мотивном уровне (где «волны» лейтмотивов заменяют фабулу), на уровне хронотопа (в книге подробно проанализированы «пространственные рифмы» в ряде поздних рассказов) и т. д.

Значение книги в рамках чеховедения состоит прежде всего в том, что найденное автором понятие *inbetweenness* помогает дать единое объяснение «неслучайности» чеховского текста на всех уровнях его организации. Другими словами, Р. Е. Лапушин нашел ту предсказанную А. П. Чудаковым «поэтическую систему координат» [Чудаков, 1986, с. 190–194, 241–242], в которой все «лишние» подробности обретают смысл, причем без вчитывания в текст интертекстуальных и мифопоэтических излишеств⁴. Такая задача ставится автором сознательно; Р. Е. Лапушин иногда специально выбирает чудаковские примеры «случайного», чтобы продемонстрировать корреляции внутри параграфа или текста, которые сразу делают эти детали «существенными» (например, «мороженые яблоки» из «Володи большого и Володи маленького» [Чехов, т. 8, с. 216]).

³ Ср., например, в той же «Даме с собачкой»: «бескрылая жизнь» и «перелетные птицы» в клетках [Чехов, т. 10, с. 137, 143].

⁴ Эта позиция оговорена в начале книги [Lapushin, p. 3].

О Чехове-«поэте» говорили часто, но обычно имели в виду отдельные лирические фрагменты его прозы или «приподнятые» монологи в драмах. После работы Р. Е. Лапушина понятие поэтичности изменилось, оно наполнилось конкретным содержанием многоликой “*inbetweenness*”.

2. Монография Тинтти Клапури [Klapuri] написана на основе докторской диссертации и посвящена достаточно непривычной для чеховедения теме. Финская исследовательница строит свою работу на пересечении двух проблем: «модерности» (под этим обычно понимают некоторые характерные черты искусства Нового времени: разрыв с традицией, приоритет индивидуального над общим, утверждение прав, свобод и равенства людей, веру в прогресс и устремленность в будущее и т. д.) и «темпоральности» (т. е. проблемы переживания субъектом течения социально-психологического времени). При этом Т. Клапури интересуется и то, «что хотел сказать» писатель как человек определенных взглядов, и то, «что у него сказало» в художественных текстах. Изучаемый материал достаточно репрезентативен, он включает все жанры зрелого чеховского творчества (после 1888 г.): рассказы и повести («Скучная история», «Студент», «Дама с собачкой», «Невеста» и др.), драмы («Три сестры») и публицистику («Остров Сахалин»). Широко оказывается и контекст: диссертантка сопоставляет Чехова с Толстым, Достоевским, Салтыковым-Щедриным, Хвощинской, Ибсеном и Гауптманом, иногда предпринимает экскурсы в современную литературу. Финский автор демонстрирует прекрасное знание российского исторического контекста, в том числе историю развития гуманитарных и социальных наук в чеховское время.

Исследовательский метод Тинтти Клапури основан на расширительном, социокультурологическом понимании бахтинского «хронотопа». Она подчеркивает, что «Бахтин ограничивает свой анализ хромотопичности историей литературы и не соотносит данное понятие с изменяющимися социально-историческими условиями» [Klapuri, p. 26]. Сама исследовательница акцентирует историко-культурное содержание термина и предлагает ряд новых «хронотопов». Последнее часто осуществляется за счет неожиданных сопоставлений: например, сравнивая «Даму с собачкой» и «Огни», Т. Клапури вводит понятие «хронотопа морского курорта»; аналогичным образом возникают хронотопы «ссылки», «сада» и др. В то же время переосмысляются и уточняются смыслы тех пространственно-временных континуумов, которые предлагал Бахтин (таково, например, различие между хронотопами идиллии и провинциального города). Однако главной новацией автора монографии, безусловно, является утверждение связи между историко-литературным понятием «хронотоп», с одной стороны, и представлением о «темпоральности перехода» от «премодерного состояния» общества к «модерности», развитое в рамках общей истории, — с другой. Так появляется вынесенное в заголовок понятие «хронотоп модерности», которое представляется весьма перспективным для будущих исследований, поскольку совмещает теоретический и исторический, «внутренний» и «внешний» подходы к литературе. Оно может быть применено к описанию многих «переходных» писателей конца XIX — начала XX века. Теоретические идеи, развитые в первой главе монографии, имеют самостоятельную ценность и в то же время оказываются эффективными при анализе чеховского материала.

Во второй главе, посвященной «Острову Сахалин», Т. Клапури описывает Чехова как естественника и позитивиста, сторонника эмпирико-статистического подхода к изучению социальных вопросов, в том числе проблем исправительных колоний. Но в то же время исследовательница показывает, что книга содержит не только эмпирический материал, но и острую критику самой идеи «модернизации через колонизацию». Эта позиция Чехова-писателя доказывается тонким анализом того, как арестанты переживают время: оно становится для них нефункциональным, лишенным как традиций (прошлого), так и перспектив (будущего). «Остров Сахалин» подсказывает и выход. Как многократно утверждал сам Чехов, он надеется не на власти и не на интеллигенцию как социальную группу, а на отдельных людей, готовых не только к просвещению, но и к сочувствию другому. Эта важнейшая черта чеховского мировоззрения обнаруживается не только в документальной книге, но и в его художественных произведениях.

Главными чертами поэтики Чехова Т. Клапури считает «незаконченность» и «ситуативность» [Клапури, р. 31–34], и обе они укоренены в имплицитно присущей писателю философии поступка. Эта мысль иллюстрируется в третьей главе анализом «Студента» и «Скучной истории»: в обоих произведениях выражена мысль о необходимости сочувствия другому и требование ответственного поступка, и тем самым рассказ и повесть становятся в один ряд с «Островом Сахалином». Исследовательница находит общие черты чеховских fiction и non-fiction, однако при этом не сводит сложные тексты к иллюстрациям простых идей. Анализ показывает, что задача Чехова — исследование непоследовательности в мыслях и поступках героя, его зависимости от внешних влияний; в этом проявляется свойственное Чехову «апофатическое» утверждение этического идеала («нормы») от обратного.

Чеховская «норма» принадлежит «модерности», постоянно подчеркивает Т. Клапури. Это представление об идеале ориентировано на будущее и противопоставляется «темпоральности повтора», доминирующей в прозе и драматургии. К числу несомненных удач относится глава, посвященная «Трем сестрам», где Т. Клапури совершенно справедливо указывает на особую роль психологического времени в пьесе: чувства осмысленности жизни или, наоборот, потери ее смысла связаны у героев с различным ощущением времени — направленным в будущее или циклическим. Оппозиция линейного и циклического времени — главная, но не единственная из числа исследуемых в монографии: наряду с ней рассматриваются такие виды темпоральности, как ощущение времени на пороге смерти («Скучная история», «Архиерей»), хронотопы провинциального города, идиллии, морского курорта, сада и даже грамматические «времена» в речи героев и повествователя. Каждый раз, когда Т. Клапури обращается к чеховским произведениям, мы видим непривычные сопоставления текстов («Скучная история» и «Четыре дня» В. Гаршина в разделе 3.2.3; «Невеста» и «Пансионерка» Н. Хвоцинской в разделе 4.1.2) и героев (Сисой из «Архиерея» и Герасим из толстовской «Смерти Ивана Ильича», [Клапури, р. 113]), новые трактовки подтекстов (так, «Архиерей» рассматривается как «рассказ, противоположный по смыслу библейскому подтексту» [Клапури, р. 120]).

Подводя итог, можно заключить, что чеховедение пополнилось новой важной работой, в которой единство теоретического подхода сочетается с исследовательской смелостью и хорошим знанием материала, как собственно чеховского, так и исторического, а новая для чеховедения концепция — со множеством отдельных плодотворных замечаний.

3. Книга известного израильского театроведа Гарая Голомба [Golomb] является безусловным «must-read» для всех, кто занимается поэтикой Чехова. Эта работа не только претендует на всеохватный анализ поздней чеховской драматургии, но и предлагает совершенно новую (насколько это возможно) концепцию чеховской драматической поэтики⁵.

Основные координаты новой концепции обозначены уже в первой главе. Г. Голомб считает, что чеховским художественным миром управляет двуединый принцип: *нереализованные потенциалы и присутствие через отсутствие*. Это проявляется во всем: чеховские люди — суммы потенциальных возможностей, жаждущие реализации, но никогда ее не достигающие; любая ситуация чревата разрешением, которое, однако, не происходит; любая тема развивается так, что ее составляющие как бы присутствуют, но в определенном (познавательном, ментальном, физическом, ценностном и т. д.) смысле отсутствуют. Нельзя сказать, что ничего подобного никогда раньше не замечалось чеховедами. А. П. Чудаков указывал, например, на особый характер событий в чеховском мире: «они ничего не меняют» [Чудаков, 1971, с. 214], т. е., в терминах Г. Голомба, не реализуют свой событийный потенциал. Однако возведенный в ранг всеобщего закона указанный выше принцип оказывается чрезвычайно мощным средством обобщения. Он подводит под единый знаменатель, казалось бы, несопоставимые между собой явления: от внесценических персонажей (отец Прозоровых, ярославская тетушка) и до знаменитых чеховских подтекстов и «недосказанностей» в диалогах.

Последовательно проведенный, этот принцип создает особую чеховскую сложность. «Сложность» и ее производные (то, что можно перевести как «о-сложненность» или «у-сложненность») — ключевые понятия автора. Эффект сложности создается, во-первых,

⁵ Эпитет «новая» перед словом «поэтика» в заглавии книги указывает, по-видимому, на ее диалогическую соотнесенность с «Поэтикой Чехова» А. П. Чудакова.

тем, что Чехов предпочитает бинарным оппозициям трихотомии, причем такие, в которых отсутствует позитивно отмеченный элемент. Чехов часто демонстрирует разное (потенциально возможное) отношение к предмету/явлению, но не показывает этого явления как раскрывшего свой позитивный потенциал, реализовавшегося на благо человека. А во-вторых, это особая диалектика частей и целого (которую автор противопоставляет шекспировской). Упрощенно говоря, в чеховских пьесах невелика семантическая нагрузка на элементы низшего порядка, зато эффект соединения и сопоставления «опустошенных» частей дает эффект полноты и глубины. Целое оказывается больше суммы своих частей. Уже по этому пересказу заметно, что Г. Голлоб явно тяготеет к формально-структурным терминам и аналитическим методам: за многими его рассуждениями просматривается яacobсоновский принцип наложения сходства на смежность и представление о тексте как о множестве взаимосвязанных элементов, причем связи всегда важнее содержания самих элементов⁶. В условиях, когда литературоведение все больше превращается в эссеистику и рассказывание «интересных историй», такое стремление к научности, точности и доказательности — отрадное явление.

Тотальная взаимосвязанность элементов и даже — если воспользоваться термином другого адепта той же идеи, В. И. Тюпы, — некая «фрактальность», изоморфизм всех уровней тематики и поэтики, лабиринт отражающих друг друга зеркал — это главный объект изучения в книге. Г. Голлоб находит множество переключек между началами чеховских пьес и основными текстами; концами и основными текстами; скрытые сопоставления смыслов в отдельных сценах и между отдельными сценами, в отношениях персонажей и т. д. Все связано со всем: можно найти, например, переключку отдельных реплик, а можно — глобальное сходство в трактовке Чеховым проблем «наследственности», «наследства» и «наследия» (т. е. биологических, социальных и духовных отношений героев). Как и все чеховеды, занимающиеся пристальным чтением отдельных произведений, Г. Голлоб вступает в полемику с А. П. Чудаковым по вопросу о «случайностной» организации чеховских текстов. Случайности (вроде знаменитого «*Бальзак венчался в Бердичеве*») получают подробное психологическое и структурное объяснение.

Заметим, что, хотя структуралистский метод в книге доминирует, он оказывается не единственным. Очень многое для понимания тематики и композиции чеховских пьес дает другая постоянная область интересов Г. Голлоба — музыковедение⁷; важную роль играет и не «объявленный» прямо феноменологический рецептивный анализ. В тексте почти не звучит имя Вольфганга Изера (и совсем отсутствует имя его учителя Романа Ингардена), но во многих случаях Г. Голлоб как бы становится на место реципиента — читателя и особенно зрителя, и тогда его анализ чрезвычайно напоминает изеровскую феноменологию чтения, непрерывное заполнение лакун. Феноменологическими оказываются и некоторые мысленные эксперименты, предпринимаемые автором; например, он пытается читать начала чеховских пьес, совершая своего рода феноменологическую редукцию: представим, что мы впервые открываем Чехова и т. д. В связи с этим, конечно, напрашивается вопрос: а как быть с «феноменологией перечитывания», с процессами, происходящими в головах у тех, кто читает или смотрит чеховские пьесы в десятый раз (не скажу, что их большинство, но их реакция явно ценнее восприятия, скажем, школьников, пролиставших «Чайку» в десятом классе)? Впрочем, рецензируемая книга стремится синтезировать литературоведческий и театроведческий подходы, а по отношению к спектаклю эти вопросы, по-видимому, надо ставить иначе, поскольку каждая постановка — всегда новое режиссерское прочтение. Объект исследования в книге двойствен: Г. Голлоб постоянно старается раскрыть театральный потенциал драматургии; для него текст пьесы — это

⁶ Не случайно автор даже метафорически называет Чехова «структуралистом»: снова и снова подтверждается старая мысль о том, что Чехов — зеркало, в котором читатель/исследователь видит самого себя.

⁷ В предисловии к книге Дональд Рейфилд замечает, что свежесть книги Голлоба в том, что он «обращается к Чехову не как русист, славист или компаративист, а с позиций музыковедения, теории драмы и теории литературы» [Golomb, p. XIII]. Одним из самых глубоких и неожиданных в книге оказывается параграф 10.4.2, в котором чеховская поэтика сопоставляется с музыкой (аналогом чеховской «ненасыщенной сложности» оказывается ренессансная полифония, в особенности Палестрина).

не завершенный объект, как для литературоведа, но и не сырой материал для постановки, как для режиссера и театроведа.

Книга построена очень продуманно и логично. Ее композицию образуют «внешний» (1, 2, 10, 11 главы) и «внутренний» (главы 3–9) тематические круги. Во внешнем круге решаются глобальные вопросы (основная чеховская тема, принципы композиции, место поэтики Чехова в ряду литературных течений и направлений и «соседей» по мировому литературному канону; перспективы восприятия Чехова в будущем). Внутренний круг — это прежде всего пристальный анализ пьес. Автора интересует драматичность и театральность (т. е. соотношение пьеса/спектакль); характеристики чеховских героев, в том числе взаимные и перекрестные; коммуникация и ее провалы; особая эмоциональная сдержанность чеховского человека; «философствования» и место уровня идей в общей структуре пьесы. В каждом случае исследуемый материал сопоставляется с основным «стержнем» концепции. Поскольку в рамках рецензии нет возможности даже перечислить все находки автора, остановимся подробнее только на теме коммуникации.

В соответствии с главным принципом «присутствия, данного в отсутствии», Г. Голлоб усложняет традиционное понятие «провала коммуникации». Он считает, что у Чехова надо говорить не столько об отсутствии (или деградации) человеческих отношений, сколько об их чрезвычайном разнообразии и запутанности. И это не случайно: Чехов избегает прямого высказывания (авторских «рупоров»), у него любая информация должна пройти через систему взаимоотношений и взаимодействий — т. е. структуру, которая одна только и несет смысл. Стремясь распутать этот клубок, исследователь предлагает типологию коммуникативных отношений, построенную по разным критериям: «люди говорят правду или неправду о том, что они понимают или не понимают друг друга»; диалог «глухих», которые стараются (или не стараются) слушать собеседника vs. диалог не желающих слушать и т. д. Разбираются отдельные характерные для чеховских пьес речевые жанры (например, «зависающие в воздухе» признания — еще один нереализованный потенциал) и многие другие аспекты проблемы: «перекрестная коммуникация» (полилог), функции иностранных языков, многозначность молчания и т. д. Анализы текстов чрезвычайно тонки и всякий раз помогают извлечь скрытый подтекст. Пожалуй, самый важный вывод исследователя состоит в том, что за провалами надо уметь не пропустить «подводное течение», — например, отзывчивость и взаимопонимание в отношениях трех сестер. Смысл любого диалога, кажущегося отрывочным и случайным, может быть понят, только если мы учтем желания героев, всю систему их представлений о мире: тогда прямо провозглашенная «глухота» персонажей может обернуться тонкими переживаниями, глубокими чувствами, а диалог окажется близок к некоему сверхпониманию без слов или с полуслова, во всей полноте нюансов и скрытых смыслов. Эти размышления автора выглядят тем убедительней, что коммуникативная проблематика «встроена» в эксплицированную ранее многоуровневую систему чеховской поэтики.

Трудно найти нечто общее между рецензируемыми книгами. Ученые принадлежат к разным школам: Р. Лапуши — прямой продолжатель А. П. Чудакова в чеховедении, Т. Клапури пытается развивать бахтинские идеи, Г. Голлоб совмещает структуралистский подход с феноменологией и музыковедением. Однако все эти талантливые авторы, каждый своим путем, приходят к новым трактовкам хорошо известных чеховских текстов, в очередной раз подтверждая тезис об их неисчерпаемости.

Литература

- Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1974–1983.
Чудаков А. П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 1971. 291 с.
Чудаков А. П. Мир Чехова: Возникновение и утверждение. М.: Советский писатель, 1986. 381 с.
Чудаков А. П. «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле...» // Новый мир. 1996. № 9. С. 186–192.
Anton Chekhov through the Eyes of Russian Thinkers: Vasilii Rozanov, Dmitrii Merezhkovskii and Lev Shestov / ed. by O. Tabachnikova. London: Anthem press, 2010. 312 p. (Anthem Series on Russian, East European and Eurasian Studies)

Chekhov for the 21st Century / eds C. Apollonio, A. Brintlinger. Bloomington: Slavica, 2012. 384 p.
Chekhov the Immigrant: Translating a Cultural Icon / eds M. C. Finke, J. de Sherbinin. Bloomington: Slavica, 2007. 352 p.
Empson W. *Seven Types of Ambiguity: A Study of Its Effects in English*. London: Chatto and Windus, 1930. 325 p.
Golomb H. *A New Poetics of Chekhov's Plays: Presence through Absence*. Brighton; Chicago: Sussex Academic Press, 2014. 434 p.
Klapuri T. *Chronotopes of Modernity in Chekhov*. Turku: Turun yliopisto, 2015. 205 p.
Lapushin R. "Dew on the Grass": The Poetics of Inbetweenness in Chekhov. N. Y.: Peter Lang, 2010. 210 p. (Middlebury studies in Russian language and literature; Vol. 32).
Rayfield D. *Anton Chekhov: A Life*. London: Flamingo, 1998. 736 p.
The Cambridge Companion to Chekhov / eds V. Gottlieb, P. Allain. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000. 328 p.

Для цитирования: Степанов А.Д. Новые англоязычные работы о Чехове // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 187–193. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.323.

References

Anton Chekhov through the Eyes of Russian Thinkers: Vasilii Rozanov, Dmitrii Merezhkovskii and Lev Shestov. Ed. by O. Tabachnikova. London, Anthem press, 2010. 312 p. (Anthem Series on Russian, East European and Eurasian Studies)
Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 30 t.* [Complete Collection of Works and Letters: In 30 vols]. Moscow, Nauka Publ., 1974–1983. (In Russian)
Chekhov the Immigrant: Translating a Cultural Icon. Eds. M. C. Finke, de J. Sherbinin. Bloomington, Slavica, 2007. 352 p.
Chekhov for the 21st Century. Eds. C. Apollonio, A. Brintlinger. Bloomington, Slavica, 2012. 384 p.
Chudakov A. P. *Poetika Chekhova* [The Poetics of Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 291 p. (In Russian)
Chudakov A. P. *Mir Chekhova: vzniknovenie i utverzhdzenie* [The World of Chekhov: Origin and Assertion]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1986. 381 p. (In Russian)
Chudakov A. P. "Mezhdu 'est' Bog' i 'net Boga' lezhit tseloe gromadnoe pole..." ["There is a vast field between 2 assertions: 'God exists' and 'God does not exist'"]. *Novyi mir* [New world], 1996, no. 9, pp. 186–192. (In Russian)
Empson W. *Seven Types of Ambiguity: A Study of Its Effects in English*. London, Chatto and Windus, 1930. 325 p.
Golomb H. *A New Poetics of Chekhov's Plays: Presence through Absence*. Brighton, Chicago, Sussex Academic Press, 2014. 434 p.
Klapuri T. *Chronotopes of Modernity in Chekhov*. Turku, Turun yliopisto, 2015. 205 p.
Lapushin R. "Dew on the Grass": The Poetics of Inbetweenness in Chekhov. New York, Peter Lang, 2010. 210 p. (Middlebury studies in Russian language and literature; Vol. 32).
Rayfield D. *Anton Chekhov: A Life*. London, Flamingo, 1998. 736 p.
The Cambridge Companion to Chekhov. Eds. V. Gottlieb, P. Allain. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2000. 328 p.

For citation: Stepanov A. D. New Works on Chekhov in English. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 187–193. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.323.

Статья поступила в редакцию 15 марта 2016 г.
Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Степанов Андрей Дмитриевич — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; pp2998@mail.ru

Stepanov Andrei D. — Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; pp2998@mail.ru